

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т35

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

*Все события и персонажи этого романа вымышлены,
любые совпадения случайны*

Иллюстрация на переплете — *Виктория Лебедева*

Терентьева, Наталия

Т35 Твоя звезда: / Наталия Терентьева. — Москва:
Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Золотые небеса).

ISBN 978-5-17-120779-3

Когда девушка, похожая на светлого ангела, которому пришлось временно снять крылья, надеть джинсы и бороться с несправедливостью мира более земным путем, ангела, который стал беззащитным, потому что не может взять и улететь из этого неправильного мира к себе, в свою прекрасную даль, подходит к тебе и спрашивает, все ли у тебя в порядке, — как ответить? Как ответить, если ты потерялся и больше не можешь найти ни своей дороги, ни самого себя?

Актерская слава оказалась недолговечной и не принесла ничего, кроме разочарования. Работа у «звездного» режиссера словно поставила черную метку на карьере Степы Василькова. Что-то должно вытянуть его из пустоты и одиночества — неожиданная встреча, люди, которые живут совсем другой жизнью, сильная женщина, у которой есть огромная власть, новое, хорошее дело, в котором есть смысл. Или новая, настоящая любовь, которая заставит по-другому дышать и жить.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120779-3

© Н. Терентьева, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Я с небес опустился на землю...
А на целой земле — ни души.

Андрей Шигин

— С праздничком! — Сосед улыбался и явно хотел поговорить. Он только вышел с собакой, погода с утра была отличная, небо чистое, вернулось лето, как будто и не уходило насовсем еще пару дней назад. Как будто не дул ледяной ветер, не стыла земля под ногами, не сыпались листья, не мерзли уши, не лезла в голову всякая муть о том, что все тленно, все бренно и как-то слишком быстро превращается в прах.

Степа кивнул и побыстрее прошел в подъезд. С каким праздником поздравляет его сосед? Что сегодня может быть? Курбан-байрам? Третью города варит с пяти утра баранину и молится. Движение перекрыто, потому что на тротуарах перед мечетью все не поместились, сели на проезжую часть, и не стонишь — неудобно, чувства верующих — дело тонкое, особенно — горячо верующих, с кинжалом в руке... Но он-то не мусульманин. Трудно заподозрить спокойно-светловолосого Степу Василькова, уроженца маленького среднерусского городка, в том, что он тайный приверженец ислама. Тогда что? С чем можно сегодня поздравлять?

Степа зашел в лифт, пряча за спину пакет с бесстыдно торчащей из него бутылкой, потому что из лифта вышла соседка с другого этажа, симпатичная, быстрая, длинноногая Вера... Не то чтобы она ему нравилась, но... если не врать себе... Да, нравилась — время от времени, особенно когда ходила не одна, а с сыном. Почему так, Степа понять не мог. Но одна Вера была обычная, деловая, сосредоточенная, уставшая или спешащая по делам. Жесткая. Бухгалтерша

или юристка. Или менеджер по работе с менеджерами. А рядом с сыном в ней появлялось что-то мягкое, неуловимое, невероятно приятное. Хотелось смотреть на нее и смотреть, ловя легкий аромат волос... или духов... или ванильного печенья, нежного, рассыпчатого, таявшего во рту — в детстве, разумеется. Всё печенье растаяло во рту в детстве, вместе с глупыми мечтами. Степа мечтал быть регулировщиком — чтобы все машины в мире подчинялись только ему, так казалось маленькому Степе. Чтобы быть важнее светофора.

Сейчас Вера вышла как раз с сыном. И с огромным букетом. Желтые, оранжевые, белые цветы... Лилии, розы, хризантемы, обернутые в красную мешковину.

Мальчик, едва достававший Степе до пояса, взглянул на него, вытаращил глаза и громким шепотом сказал матери:

— Я же тебе говорил! Это он!

Понятно. Посмотрел фильм. Это волна, которая будет катиться еще неизвестно сколько. Сначала посмотрели все — так казалось. Все здоровались, или просто смотрели, или оглядывались, или бежали следом и хотели знакомиться. Сто человек за день, двести, триста... Потом это как будто прошло. Пару месяцев было затишье, а потом началось снова, но толчками и урывками. Фильм нашумел и сошел с экранов, так быстро, как сейчас обычно сходят все фильмы. И люди начали смотреть его в Интернете. То один, то другой... Этот мальчик прекрасно знал Степу как соседа — Степа въехал в этот дом год назад, получив гонорар за фильм и взяв еще кредит. Но мальчик, наверное, в каникулы посмотрел фильм. Каникулы, да... Букет... «С праздником!» Первое сентября. Сегодня первое сентября? Счет дням потерян. Нет, Степа так уж не пьет... И бутылку с утра купил случайно, вышел за банкой кофе, а купил армянское гранатовое вино... Зачем купил? Просто так. Приготовит мясо... Вот как раз к празднику. Или не приготовит... День знаний... Все что-то знают, чего не знает он, Степа, поэтому он идет домой, а не на работу. Вот пропустил начало осени, просчитался... Думал, еще неделька лета есть... А к чему считать дни, если все равно идти некуда? Иногда включишь телевизор и поймешь — ага, сегодня суббота. Потому что

идет передача «Субботний вечер», на который Степу приглашали — даже два раза. И он сидел, как свадебный генерал. Спрашивать его толком ничего не спрашивали, но людям показывали — это был пик славы фильма и его лично, Степы Василькова.

Степа зашел в лифт, слыша, как мать мальчика сказала тому:

— Застегнись!

Кто бы Степе сказал «Застегнись, причешись, соберись...» Да, главное — соберись. Степа взглянул на себя в небольшое зеркало на стене лифта. Нормально. Выглядит он вполне нормально. Это все оттого, что он не может пить, как обычный русский человек. Сильный, двухжильный, простой, который пьет водку стаканами и не падает, тем более не плачет от первого же стакана. Отец прав — есть в нем какие-то чужие гены. Отчего он так вырос? Нет больше среди их родственников такого высокого и крупного человека. У Степы кость неширокая, мослов нет. Он весь как будто из другого мира — где живут люди, средний рост которых около двух метров. И Степа там, в том мире, вполне среднего роста и обыкновенной комплекции.

Замок открылся не сразу. Надо чинить замок. Надо чинить входную дверь — она отчего-то просела, чтобы закрыть, надо приподнять. Новый дом, покосило, наверное... фундамент поплыл... прямо как в его собственной жизни... Надо чинить на кухне окно, оно открывается ветром, если оставить полуприкрытым... Вот опять ночью открылось, упал большой керамический кот, у него отломился хвост... Кота подарили на фестивале — всей съемочной группе дарили кубки и ценные подарки, а ему — разноцветного кота... Надо чинить кота, такой симпатичный глазастый кот... Надо чинить свою жизнь. Но как?

Степа откупорил бутылку. Если пить в день по полстакана сухого вина, то будешь здоровым, как горец-аксакал. А если пить по две бутылки? Армянского крепленого... То будешь веселым, как Степин приятель Боря, который, не выпив, не садится за руль и не выходит на площадку сниматься. Реакция не та — говорит Боря. Боря работает в театре, мно-

го снимается, играет мелких жуликов и подонков и очень востребован. Внешность у него никакая, поэтому он может играть кого угодно. А Степа слишком хорош... «Слишком хорош» — сколько же раз он это слышал за свою жизнь!

Когда ему позвонили три года назад и напористая женщина пригласила его на пробы к Мазорову, Степа не поверил своим ушам. До этого он один раз пробовался для рекламы и один раз — на роль неопытного следователя. Не прошел ни туда, ни туда. Из-за роста — все казались маленькими рядом с ним, а также из-за того, что он слишком, неприлично хорош — так объяснила ему ассистентка на рекламе и пригласила на кофе.

— А роль какая? — спросил Степа, хотя, слыша фамилию «Мазоров», можно и не спрашивать. Зовут — и ура. Беги бегом, пока не передумали. Там, где Мазоров, — деньги и слава, мгновенная, на всю страну.

— Нормальная роль, — усмехнулась в трубку пожилая помреж. — Тебе понравится. Ты тридцатый. Двадцать девять уже не подошли.

Степа с детства привык к тому, что серьезно к нему относится мало кто. Когда в пятнадцать лет он за лето вырос на тридцать сантиметров, а за следующую зиму еще на сорок и стал выше всех, выше отца, выше физрука в школе, бывшего волейболиста, тем более выше всех мальчиков в классе, он стал предметом всеобщих насмешек. Потом постепенно многие мальчики в классе подтянулись за ним, кто-то даже обогнал. Рост его оказался в пределах нормы, но смешки не прекратились, хотя к десятому классу оказалось, что Степа не просто высокий, а еще красивый и отлично сложен.

Первой обнаружила это его учительница по английскому. Степа долго не мог понять, почему она то и дело оставляла его после уроков, когда он так хотел есть. Есть он хотел постоянно, еле дожидался перемены. Мать готовила хорошо, и еды в доме всегда было достаточно, но к Степе голод возвращался сразу, как только пролетал обед или завтрак. Степа улыбался и англичанке, которая положила на него глаз, и девочкам, толкшимся рядом, и подсмеивающимся пацанам. Его трудно было обидеть или разозлить.

Когда Степа подросток и стал пытаться анализировать свои отношения с окружающим миром, не всегда гладкие и понятные, он в один момент решил, что у него есть какой-то сломанный ген. Тот, что отвечает за выживание и злость. Потому что с добром идти на тех, кто над тобой смеется или даже пытается унижать и травить, — это абсурд и самоубийство. А что делать, если у него нет обиды и зла? Если он видит, что мальчишки, подтрунивающие над ним, прыщавы и плохо сложены, у них короткие ноги, толстые шеи, носы плюшками, уши торчком... Поэтому их раздражает и задевает Степино превосходство. В чем оно? В чем? — пытался понять Степа. Ну нет прыщей, ну волосы слегка вьются, никогда не пачкаются, гладкая, чистая кожа, белые, ровные, плотно стоящие зубы, чуть большеватый рот, словно нарисованный, как будто кто-то сидел и прорисовывал, прорисовывал — и рот, и брови, и ресницы... И что? Что-то было в Степе такое, что заставляло девочек, женщин идти к нему, как будто их позвали. Что? «Ты красивый, — терпеливо объясняла ему мать, когда он стал взрослеть. — Красивый, понимаешь? Ничего хорошего в этом нет. Но ты получился очень красивым. В каком-то смысле это беда».

Степа смотрел на свою мать, на ее тонкое лицо, милое, доброе, усталое, на шею с тремя родинками, на вечные голубые бусики, кивал и... не понимал. Почему «беда»? И что такое «красивый»? Мало ли кто красивый. Директор их школы тоже красивый — высокий, статный, с ровными пышными усами, широкими плечами... А от него взяла и ушла жена. И он после этого словно взбесился. То вдруг вышел на школьном концерте в черной майке с черепом и стал играть на гитаре и очень плохо петь песню собственного сочинения... Песня называлась «Сильнее!». В ней говорилось о том, что если хочешь быть сильным, надо только стать сильнее, чем ты был вчера, и тогда завтра ты будешь сильнее, чем сегодня... То попробовал выгнать трех учительниц, как говорили, тех, кто знал его жену и дружил с ней. Учительницы пожаловались на него, и его чуть самого не сместили... То вдруг взял и обрился наголо и стал приходить в школу раньше всех, отжиматься на спортивной площадке.

Все шли в школу, а директор отжимался, отжимался... не обращая ни на кого внимания... Школьники делали ставки, спорили, проигрывали, выигрывали — на то, на каком разу отжимания директор охнет, на каком — крикнет, на каком упадет на землю и сколько будет лежать. Или вскочит сразу и побоксирует. Хрясть, хрясть... в воображаемого врага...

Полгода школа была вся перебудоражена. А потом к директору вернулась жена, он отрастил волосы, сбрил усы, быстро растолстел, но всё равно оставался красивым. К нему липли женщины, и как говорили мальчишки, любившие сплетничать не меньше девочек, — небезосновательно липли. То одна, то другая молодая учительница якобы задерживалась в его кабинете допоздна. Горел свет допоздна, мелькали за окном, занавешенным плотными жалюзи, тени... Мстил жене за позор и унижение...

Степа в таких сплетнях участия не принимал и верить в них не хотел. Так же как и в свою необыкновенную красоту и те беды, которая она может ему принести.

Степа подошел к окну. Квартиру он купил в кредит, так не хочется об этом думать, вообще не хочется ни о чем думать, особенно о том, что никак не решается. Но вот уже четыре месяца он кредит не выплачивает, потому что денег больше нет. То, что заплатили ему за съемки, давно закончилось, потом он получал какие-то приличные суммы — за три рекламы, одна глупее и стыднее другой. От четвертой, где ему предложили рекламировать шоколад, лежа на спине в одних трусах, а на его животе партнерша по рекламе должна была рисовать растаявшим шоколадом значок знаменитой шоколадной фабрики, он отказался. И как-то после этого предложения иссякли. Мазоров заканчивает свой новый фильм, повсюду его уже бурно рекламируют, а про предыдущий все как будто и забыли.

Деньги, деньги... «Сынок, художник должен быть бедным! А то пузо заслонит тебе жизнь! Зачем тебе столько денег? Вот мы живем, нам хватает — на еду, на книжки, на бензин», — сказал ему отец, когда Степа приезжал навестить родителей прошлым летом. В это лето так и не выбрался...

А что он скажет родителям? Что скажет любопытным соседям? Ходить по родному городку знаменитым актером, как два года назад, когда фильм был в прокате? Уже прошлым летом все только и спрашивали: «Ну, где снимаешься? Когда следующий фильм?» Он же их не спрашивал, где они снимаются и как у них дела на работе...

Степа налил полный стакан вина, поставил перед собой. Он всегда завидовал тем ребятам, которые могли легко выпить по полбутылки водки и при этом ровно держаться, не падать, не шататься, не плакать, не лезть на стену. Степа же, выпив, терял внутри точку опоры. Мир шатался вокруг него, всё рассыпалось в голове, собрать в одну кучу мысли и чувства он не мог и страшно расстраивался от этого. Чем больше он пил, тем сильнее было расстройство. Мучительно горькие мысли наваливались на Степу, окутывали его, сердце начинало разрываться от тоски и невыносимой горечи. Потом он засыпал и, проснувшись, помнил, как ему было тошно и пусто. Как жизнь казалась бессмысленной и тусклой. И после этого он долго не пил вообще. В мире театра и кино это очень неудобное свойство. Выпивая, люди обсуждают новые планы. В теплой компании рождаются идеи новых проектов, тот, кто не хочет пить, автоматически становится аутсайдером. Конечно, от Степы никаких новых идей не требовалось, его лицо и фигура — сами по себе богатство. «Абсолютный герой!» — как сказал, по-дружески усмехнувшись, Мазоров, когда Степа первый раз, стеснясь, вошел в комнату, где собрались продюсеры, оператор и сам Мазоров, чтобы со всех сторон разглядеть его, поскольку предыдущие двадцать девять актеров не подошли.

Степа так отчетливо помнил этот момент. День был хороший, солнечный, Степа шел по улице и улыбался — просто так. И люди улыбались ему в ответ. Он не знал, чем закончится встреча, скорей всего ничем. Поверить, что его утвердят на главную роль в новом фильме Мазорова, было невозможно. В театральный, правда, он поступил сразу, перед этим окончив ремесленное училище, единственное, которое было в их городке с населением тридцать тысяч человек, и отслужив в армии.

Поступать Степа ехал без особой надежды, программу подготовил сам, никому ее не показывал. Откуда и когда возникло это желание — стать актером — он и сам не мог себе объяснить. Мать его была учительницей, отец — инженером-технологом на заводе, изготавливающим пиво и квас. Завод был построен еще в советские времена, за последние двадцать лет хозяева его поменялись раз семь. Говорили, что последний хозяин получил их заводик в счет карточного долга. Заводик выживал еле-еле, но отец не уходил с работы и надеялся, что Степа когда-то будет работать на его месте.

Степа же в один прекрасный день взял сумку, бросил в нее свитер и зубную щетку и отправился в Москву, благо что при желании можно было обернуться в тот же день, даже без ночевки. Он решил для себя так: если в первом вузе, куда он придет поступать, ему скажут: «Вы нам совсем не подходите», он повернется и уедет домой, обратно. И никто не узнает, зачем и куда он ездил.

Но все вышло не так. В первом вузе он с утра занял очередь на прослушивание и прошел лишь к вечеру. Из десяти человек, которых прослушивали вместе с ним, фамилию прошедшего на следующий тур назвали только одну: «Васильков». Степу позвали в комнату, где проходило прослушивание, и усталая дама лет пятидесяти пяти спросила его:

— Еще показываться куда-то будешь?

Степа неопределенно пожал плечами и улыбнулся.

— В школе двоечником был? — неожиданно продолжила дама.

— Нет, — удивился Степа. — Почему?

— Ладно. Неважно. Не ходи больше никуда. И программу поменяй. Тебя возьмут. Только не трепись об этом с остальными. Подготовь Блока «Двенадцать», отрывок найди какой-нибудь поярче, и прозу Достоевского, из «Идиота». Там, скажем... сцену Мышкина с Аглаей или лучше монолог о времени...

— Я похож? — удивился Степа.

— Да, ты похож на идиота, и в прямом, и в литературном смысле, — улыбнулась дама. — Каждый представляет Мышкина по-своему. Я — так. Делай, что говорит.

— Хорошо.

— Ну-ка, скажи четко «сестринский».

— Сестринский... — повторил Степа, не понимая, к чему она клонит.

— Понятно, я думала, ослышалась или нет... Ладно. Научим, это исправляется...

Степа, обескураженный, кивнул и ушел, даже не узнав, выйдя из аудитории, фамилию дамы. Не похоже было, что она к нему подкапывается, как англичанка, намерения которой со временем прояснились, и как некоторые другие дамы и девушки, но поверить до конца он ей не решился. «Возьмут...» Мало ли что бывает!

Домой он уже не успевал, позвонил родителям, сказал, что задержится у друга, уехавшего в Москву на заработки. «Ох, сынок...» — только и сказала мать, и не предполагавшая, где сейчас Степа. Он решил до поры до времени ничего не говорить зря родителям. Общежития на первых прослушиваниях не давали, ночевать ему пришлось на вокзале, это было неудобно и неприятно. В три часа его разбудили охранники, потребовали билет и документы. Пару раз к нему подсаживались странные личности, колобродившие по вокзалу всю ночь, предлагали выпить и просили денег. Сна практически не было. Но Степа утром умылся в туалете, почистил зубы, причесал рукой волосы, пожалев, что не взял с собой чистую рубашку и забыл про расческу, и поехал в другое театральное училище. Поверить, что в Щукинское — а вчера было именно оно — его взяли с одного прослушивания, он и утром не мог. Конечно, та дама четко сказала: «Тебя возьмут...», но кто она? Может быть, и никто. Степа ее не знал, в фильмах никаких не видел, на профессора она не очень похожа... Хотя как должен выглядеть профессор, преподающий актерское мастерство, Степа не знал.

Дальше он пошел в Щепкинское, где прослушивание вел известный актер, снимающийся в популярном сериале. Степа начал читать стихи Есенина, которые выучил для поступления, споткнулся под внимательным ироничным взглядом известного актера, и... забыл слова напрочь. Бессонная ночь дала себя знать. В голове гулко перекатыва-

лись три последних слова «стихов моих грусть, стихов моих грусть...» Почему-то ныли ухо и зуб с той же стороны, продуло, наверное, ночью.

— Ну и...? — спросил известный актер, постукивая огрызком ярко-оранжевого карандашика по столу. — А дальше что?

— Забыл, что дальше, — честно ответил Степа.

Актер и еще две женщины, слушавшие вместе с ним абитуриентов, засмеялись. Степа смутился. Так часто бывает. Он говорит абсолютно серьезно о важных вещах, а люди смеются, не зло, наоборот, с приязнью и симпатией. Но как себя при этом вести Степе — совершенно непонятно. Смеяться вместе с ними? Глупо. Молчать, насупившись? Еще глупее. Степа почувствовал, как краска стала заливать его щеки. Женщина, сидевшая справа от известного актера, что-то негромко сказала, наклонившись к нему. Тот кивнул, задумчиво рассматривая Степу.

— Откуда такой? — спросил актер. — Не из Москвы? Степа помотал головой.

— Город большой у тебя? Издалека приехал?

Степа опять помотал головой.

— Неговорящий человек... Ну, это не беда, — усмехнулся актер. — Хуже, когда наоборот, как наш Хомячков был. — Он подмигнул женщинам. — Артистам разговаривать необязательно. Вышел, стоишь, молчишь, уже интересно... Значит, по адресу к нам пришел... Так... ну, давай еще что-нибудь. Проза какая у тебя?

— «Берег» Бондарева.

— Сцена какая?

— Там... размышление...

— Не надо. А басня какая?

— «Волк и Ягненок».

— А тебе кто больше нравится? — неожиданно поинтересовалась вторая женщина. — Волк или ягненок?

Степа растерянно пожал плечами.

Актер что-то негромко сказал, Степа не разобрал, обе преподавательницы кивнули, внимательно его разглядывая, одна даже сменила очки. Актер сказал:

— Да!.. Так, и тем не менее. Договори хоть один текст до конца. А то, может, у тебя памяти совсем нет!.. Ну, давай, смелей!

Степа начал читать басню, актер замахал на него руками.

— Стой! Что за буква «с»? Ты специально так жужжишь или дефект?

— Не знаю... дефект, наверное, — неуверенно ответил Степа.

Члены приемной комиссии переглянулись.

— Ясно. Ладно, иди.

Степа вышел, абсолютно уверенный, что здесь его не пропустили на следующий тур. Задержался случайно, потому что его облепили девочки и стали наперебой спрашивать, что было, они слышали из-за двери обрывки разговоров. Через пятнадцать минут дверь аудитории открылась, и девушка прочитала список из двух человек, прошедших из двух десятков абитуриентов на следующий тур: прошла очень толстая девушка с длинной пшеничной косой и он, Степа.

Ободренный и расстроенный одновременно — как он мог забыть стихотворение, которое так отлично знал? — он поехал еще в Школу-студию МХАТ. Там всё практически повторилось. Стихотворение ему до конца дочитать не дали, попросили произнести фразу, где были одни «с»: «У Сени и Сани в сенях сом с усами». Степа, путаясь, кое-как повторил скороговорку.

— Ужас, — сказал тот, кто сидел в центре. — Но ты нам нравишься. Животное какое можешь показать?

— Зайца, — ответил Степа, чуть подумав.

Комиссия из трех человек и пара студентов, помогавших со списками абитуриентов, захохотали. Степа тоже стал смеяться.

— Ну какой ты заяц? Ты себя в зеркало видел?

Степа кивнул.

— Давно? А то ты нечесаный. Нечесаный... гм... Аполлон, который думает, что он заяц.

И все снова засмеялись.

— Я на вокзале ночевал, — негромко сказал Степа, подождав, пока они отсмеются, и понимая, что выглядит очень плохо. — Я бродячую собаку могу показать.